

КАРТИНКА 8. МОСКОВСКИЕ ЗАРИСОВКИ. МАРШРУТ: БЕЛОРУССКИЙ ВОКЗАЛ — ПАМЯТНИК «ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ» — ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ — БОЛЬШОЙ ТЕАТР И ЕГО ПУБЛИКА — ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Тут-тук — раздавался стук колесных пар поезда в моей голове, совсем не отгоняя грусть после прощания с тетей Олей. Порой десятилетиями мы не видим своих родных или старых друзей, но ощущаем их рядом с собой, разговариваем с ними мысленно, чувствуя их сопереживание и поддержку, поэтому-то мы и называем их близкими людьми. Мы знаем, что они просто есть на этой земле — можно приехать и дотронуться до них рукой. Но если кто-то из них приближается к границе жизни и прощается навсегда, к нам приходит тоска — это плач нашей всезнающей души.

Я смотрела на цветущие сады, растянувшиеся вдоль железнодорожного полотна и запорошившие лепестками-снежинками все вокруг; на обнаженные березовые рощи, вдохновляющие соловьев длинными серьгами на любовные трели; на перила длиннющего моста, соединяющего берега когда-то широкой и могучей реки Днепр, а теперь обмелевшей местами до небольшой речки, — и понимала, что дорога сама ставит вопросы и отвечает на них, надо лишь распахнуть глаза и уши и просто записать увиденное и услышанное в пути.

Все пути в любой стране обычно пролегают через ее наиважнейший во всех отношениях город. Вот и мой поезд ранним апрельским утром прибыл на Белорусский вокзал российской столицы. Немногочисленные пассажиры тащили по перрону за собой чемоданы на колесиках, отбирая хлеб у нахальных московских носильщиков. Перед самым зданием вокзала из тумана вырисовывалась высокая молодая пара:

он — в долгополой солдатской шинели, с винтовкой на плече; она — с толстой косой и в длинном платье, обнимает руками его голову, пристально глядя в глаза, как будто пытаясь запомнить навсегда, потому что с военным эшелонном он уходит на фронт. Фигуры были очень эмоциональными и выразительными, поэтому я не сразу поняла, что передо мной — памятник. В голове закрутились звуки марша «Прощание славянки», и воображаемые солдатские теплушки побежали на запад в мою родную Беларусь, туда, где так часто бывала война. И захотелось вдруг поставить другой памятник у вокзала Бреста, Могилева или Витебска и назвать его «Встреча славянки», где уже постаревшая, немного сгорбленная женщина в платке обнимает голову вернувшегося с фронта солдата, прижимая ее к своему животу, потому что солдат тот без ног, и тело его покоится на маленькой тележке, а руки упираются колотушками в мостовую. Только вот почему-то

марш в моей голове при этом звучать перестал. Сколько видела я еще в своем детстве на железнодорожных вокзалах таких солдат, сшибающих на «поправку здоровья».

Город в конце апреля показался мне каким-то совсем раздетым. Малочисленные кустарники и деревья еще не распустились, а клумбы вместо цветов были покрыты засохшей грязью. Практически не было ярких рекламных щитов, да и ларьки с блинами, чаем, пивом и прочей снедью куда-то испарились, вероятно, были снесены в угоду порядку и чистоте неумолимым ураганом очередной администрации города. Веселые же маковки церквей надежно прятались за уродливыми серо-стеклянными стенами «архитектурных шедевров» последних десятилетий, а на месте бывших скверов и площадей, придававших этому деловому энергичному городу некую

иллюзию комфортной городской среды и воздушности, теперь высились торгово-развлекательные центры в виде подводных лодок или бутафорских голливудских павильонов. И всюду мой взгляд упирался в строительные заборы, перегораживающие проезжую часть, и в мостовые, напрочь изрытые канавами и ямами. Иностранцы же, приехавшие лицезреть Кремль и шедевры русского балета, обутые в резиновые сапоги и облаченные в темные непромокаемые курточки, очумело смотрели на потрясающе красивых москвичек, легко скользящих по этим строительным буеракам в своих сапожках на высоченных шпильках. Весенняя Москва, как всегда, расстаралась себя украсить яркими женщинами в разноцветных пальто, которые и были, возможно, истинными живыми цветами этого города.

Москва — несомненно реальный город, не позволяющий

оторваться от себя ни на мгновение; как только уехал из нее на миг, так эта неприступная красавица и отомстит тебе, вычеркнув из своего сердца и превратив из любимого жителя в ротозея-туриста. Мое прошлое потащило меня на Чистые пруды и Покровку, в тот небольшой оазис старой купеческой Москвы, что не успели еще до сих пор кардинально реконструировать. На бульварах были развешены многочисленные фонарики и гирлянды в виде бабочек и цветов, что на еще голых деревьях зажигались по ночам, бросая этакий арт-вызов уличных музыкантов и гуляющей молодежи властному столичному дню спешащих машин и деловых прохожих. И даже новоделы девяностых и нулевых, втиснутые в московское пространство, где было можно и нельзя, втерлись как-то уже в доверие к городскому пейзажу и не так коробили взор краеведов, не только помнивших

имена Казакова, Бове и Шусева, но и знававших разрушенные их творения Нет больше в природе корабельных сосен, не строятся из них корабли, как, впрочем, и конструкции крыш гигантских зданий, к примеру Манежа. Сгорел московский Манеж, аккурат в день президентских выборов 14 марта 2004 года, вместе с уникальной крышей из корабельных сосен, созданной по проекту Осипа Бове. В сквере у памятника «Героям Плевны» мне попались на глаза двое среднеазиатской внешности рабочих, аккуратно выкладывающих кирпич в непонятную конструкцию внутри траншеи. И вспомнился мне тот, позапрошлого века кирпич кораллового цвета, с клеймами мастеров, что таскали предприимчивые москвичи из сносимых внутри Садового кольца зданий к себе на дачу, как, впрочем, и изразцовую плитку, чугунные решетки, дубовый паркет, бронзовые дверные ручки и светильники восхитительного внутреннего декора «сталинского ампира» из разбираемой гостиницы «Москва». Обсыпались, потекли и состарились за двадцать лет вновь возведенные торговые и офисные комплексы, а вот садовые дорожки и каминные из старинных кирпичей и изразцов будут украшать еще долго подмосковные загородные дома.

Ноги сами вынесли меня к Большому театру, хотелось посмотреть на него после последней семилетней реконструкции и убедиться в том, что он все-таки жив... Сегодня в Большом давали балет на музыку Людвиг Минкуса «Дон Кихот».

Большой Петровский театр, расположенный в начале Петровки на Театральной площади Москвы, за свою более чем двухвековую историю горел трижды, причем архитекторы и строители, вос-

становливавшие его каждый раз после пожара, старались максимально сохранить старые оставшиеся фундаменты, стены, лестницы, двери, паркет, светильники, элементы декора, папье-маше лож. Когда-то давно пожилая дама, из балетных, поведала мне о Большом одну легенду, в которой рассказывалось о том, что в старом театре Меддокса жила душа, особая душа, музыкальная, общающаяся со зрителями неповторимым резонирующим, живым звуком. Ничего нового в услышанном не было, поскольку каждый уважающий себя настройщик или музыкант знает, что у инструмента есть душа и именно от нее зависит красота и чистота звука. Но они также знают, что душа исчезает вместе с прекрасным звуком, как только меняется конструкция инструмента, и поэтому уникальные скрипки, рояли или виолончели не переносят никакой реконструкции, они умирают прямо на операционном столе реконструктора. Так вот, душа Императорского Большого театра — это и была душа старого театра Меддокса, из которого Большой родился и вырос. И жила эта душа в несгораемой при всех пожарах части театра, иными словами, у души был вполне конкретный, старый и любимый дом. Далее легенда гласила, что если разрушить место, где живет душа театра, то она станет бездомной и улетит прочь. И тогда особого, резонирующего звука, сделавшего Большой знаменитейшим театром мира, больше не будет. Пройдет немного времени, и люди забудут, что такое живой звук и чем Большой Императорский театр был уникален, и утратят еще одно чудо света.

Пересчитав колонны у центрального входа и не найдя девятой, я рассмеялась, вспомнив наш старый студенческий розы-

грыш провинциальных парней, которым московские студентки назначали свидание у несуществующей девятой колонны Большого театра. Как и тридцать лет назад, у входа в театр спрашивали лишний билетик, и публика состояла почти из одних зарубежных туристов, повторяющих все те же семь заветных слов: снег, царь, балет, космос, танк, Ленин, КГБ. И мне захотелось внимательно послушать, о чем же говорят эти не самые обычные люди, приехавшие в Москву из разных точек мира и пришедшие на балет в Большой театр?

Высокая скандинавка средних лет, стоявшая впереди меня перед рамкой металлодетектора, говорила на очень понятном учебном английском языке своему собеседнику, судя по галантности и шейному платку, скорее всего французу, буквально следующее:

— Возможно, благодаря особому покровительству императоров — и не важно, как они назывались: Романовыми, Генеральными Секретарями или Президентами, — классический русский балет впитал в себя и отразил, как в зеркале, многие черты образованной элиты этого народа. Конечно, поживите семь месяцев в зиме, а потом посмотрим, будете ли вы пить вино и танцевать зажигательную румбу, или же плавные лебеди, сказки, музыка закутают вас в кокон и унесут в мечты, в космос, только подальше от земли, скованной этим морозом. Белые люди, одетые в шкуры с рождения, живущие под своими снегами многие века, зимой создавали иной мир — воображаемый и имеющий мало общего с реальным суровым климатом. Отсюда и Пушкин, Достоевский, русский авангард, Павлова, Нижинский, Ленин. Да, именно Ленин, потому что иллю-

зии бывают не только безобидные, но и злые.

— Да, ты права, Хельга, русский классический балет — как и русский характер: либо все, либо ничего, такой же резко континентальный, как их климат. Слушай, дорогая, ты не знаешь, галоши с туфель снимать перед металлодетектором? А то в Парижской опере меня заставили снять даже запонки. Скоро будем перед каждой проверкой в целях безопасности раздеваться догола, хотя в России навряд ли, очень холодно все-таки, — отвечал своей спутнице предполагаемый француз, аккуратно складывая металлические предметы из своих карманов в пластиковый контейнер для проверки. — Понимаешь, дорогая, балет — это искусство, основанное на идее, принесенной нами, французами, которая была материализована и доведена до совершенства именно в этой снежной стране. Причем путем бесконечных усилий и тренировок, калечащих тело и душу. Ты права, это чистое искусство, и оно ничего общего не имеет с реальным миром. Оно вызывает восхищение и преклонение! Русский балет — это совершенство. На одной, никогда и никем не используемой точке крутить тридцать два фуэте, а потом остановиться, показаться публике и убежать с неосязаемым ничто...

— Ха-ха-ха, как ты метко подметил, Марсель, «с неосязаемым ничто», — продолжала рокотать могучая Хельга, пытаясь оценить соответствие габаритов металлодетектора и своего тела. — Что-то рамка в этом театре какая-то маленькая, нестандартная, скорее всего, придется входить в нее боком. Хотя надо попробовать, вдруг не застряну. А вот и получилось! — радостно захлопала в ладоши скандинавка и взяла со сто-

ла после проверки охранником свою сумку. — Знаешь, а мне в последнее время больше нравится современный балет. В прошлом месяце смотрела в нью-йоркском театре, ну ты помнишь, в том самом, где когда-то танцевал Барышников, замечательную труппу Гарлемского балета. Оказывается, если мир живет не под снегом, а под горячим солнцем, то там совсем другой балет и иные танцовщики. Они не могут носить одежду, как мы, северяне, она им просто мешает, поэтому их тела обтянуты исключительно трико. Они привыкли соприкасаться с теплым ласкающимся ветром и двигаться свободно, без ограничений. Они ритмичны и не могут многократно повторять одно и то же движение, мелодия вытанцовывается каждый раз по-другому всеми клеточками тела. Причем в этом балете не так много разума и сюжета, в нем преобладают эмоции, музыка и тело, которое не повторяет заученную партию, а живет и двигается в танце. Когда зрители смотрят на этих темнокожих танцовщиков, они преображаются, — скрученная энергия, подобно змее, оживает внизу живота, и хочется жить, двигаться, любить и впитывать эмоции любви. Костюмы артистов, сливающиеся с их кожей, подчеркивают структуру мышц, что в сочетании с пронзительной музыкой или абсолютной тишиной создает физическое ощущение присутствия на сцене огромных диких кошек.

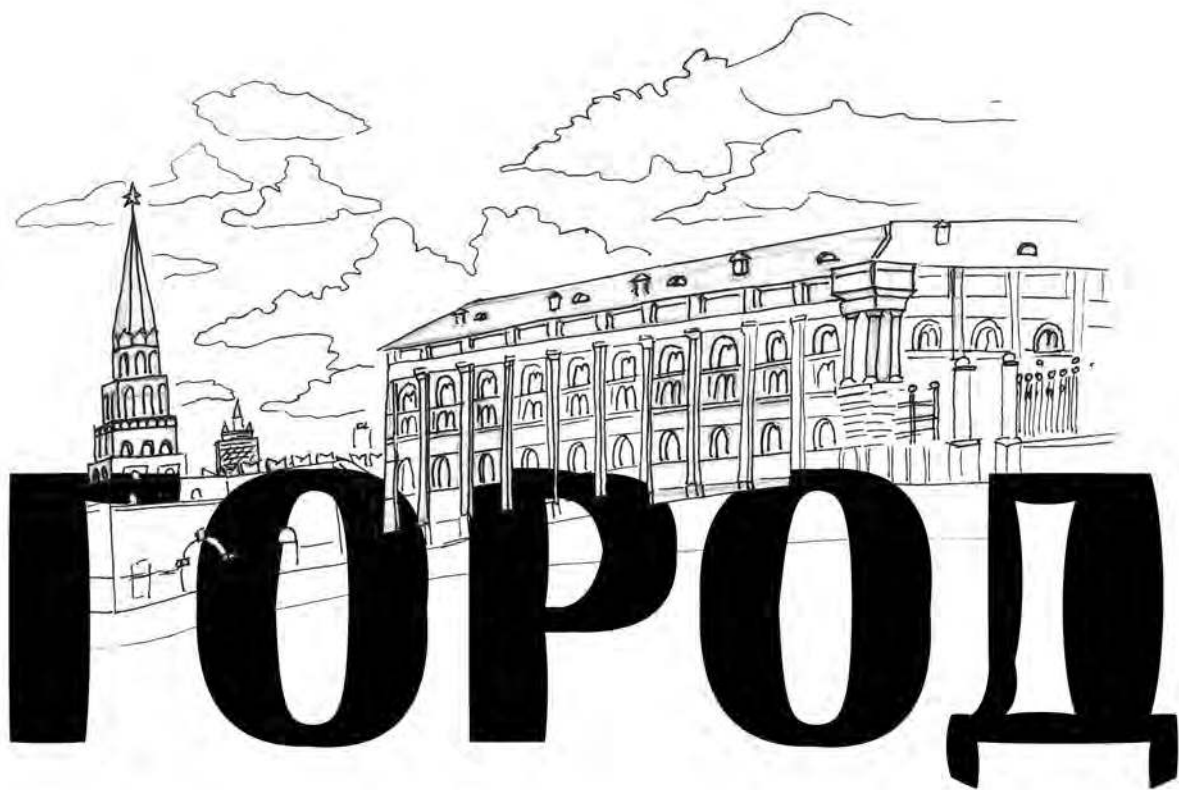
— Хельга, не так энергично двигай бедрами, а то маленький японец справа, по-моему, хочет сделать тебе недвусмысленное предложение. Успокойся, дорогая! Видишь ли, то, что в тридцать лет доставляет удовольствие, в семьдесят — инфаркт. А мне, если ты помнишь, уже семьдесят четыре.

Видел я этот балет в Бостоне, так вот после второго отделения возбуждение несколько началось меня утомлять, импровизации каждого танцовщика стали слегка раздражать, а эмоционально разговаривающая во время выступления публика — шокировать. И захотелось опять увидеть мой любимый, «застегнутый на все пуговицы» лебединый императорский классический русский балет, — закончил мысль Марсель, согнул руку в локте и предложил своей даме осмотреть театр.

Я последовала за этой парой, явно ценителей и знатоков балета, в главный вестибюль театра, затем зашла в зрительный зал посмотреть его анфилады, потом двинулась в Белое фойе и Бетховенский зал. Покрытый лаком, блестящий, новенький паркет фойе отражал огни идеально, как под копирку сделанных бронзовых светильников. Очень скромный, серый, крашеного металла лифт нанизывал на себя кольца несколько расширенной в габаритах лестницы, почти воссозданной или почти позапрошлого века, хотя от оригинальной лестницы, скорее всего, не осталось ни одной подлинной детали. И везде этот ярко-красно-малиновый цвет с золотом, от которого невозможно спрятаться...

Многочисленные японские туристы восхищенно цокали языками и фотографировали окружающий декор и себя на фоне этого искрящегося великолепия. Двое здоровенных американцев стояли у крайнего столика буфета и пили пиво.

— Посмотри, Билли, здесь вокруг все красное и золотое, прямо как в нью-йоркском ресторане «Русская чайная комната», что возле Карнеги-холла, только самоваров не хватает. Мне моя бывшая русская подруга, Ольга,

доказывала, что русские терпеть не могут красное и золотое, поскольку это, скорее, китайские или монгольские цвета. А я вот здесь стою в Москве, в Большом театре, и вижу только красное и золотое! — говорил один из парней, практически не открывая рта и как будто пережевывая картошку, что выдавала в нем уроженца, скорее всего, южных американских штатов.

— Верно, Хью, много выпендриваются эти русские, считают, что у нас, у американцев, все, что создано до пятидесятого года прошлого века, — это уже большая историческая ценность. У самих же, посмотри, в рекламном буклете пишут, что этому театру сто девяносто лет, а тут одно новье вокруг — бутафория прямо, как в Голливуде! — поддержал беседу второй янки, его выговор выдавал в нем коренного нью-йоркца. — Я люблю старинные

театры, как, впрочем, и спектакли, поставленные по известным романам, там всегда роскошные костюмы и декорации.

— Ха-ха-ха, известные истории могут быть очень современно интерпретированы, — продолжил тот, которого звали Билли. — Пару лет тому назад, в Чикаго, друзья затащили меня на представление «Джоффри-балета», по мотивам трагедии Шекспира «Отелло». И представляешь, я наконец-то понял эту трагедию. Поскольку, если честно, до меня никак не доходило, как из-за какого-то платка можно задушить собственную жену, каким бы ревнивым отморозком ты ни был. Оказывается, Отелло и Яго, по версии «Джоффри-балета», были любовниками многие годы, и когда Отелло изменил Яго с Дездемоной, тот решил устранить соперницу и подбросил бывшему любовнику платок. Самым по-

трясающим в этом спектакле был последний финальный дуэт, где высокий, стройный черный гигант Отелло танцевал с изящным, гибким белым Яго! Каким же нежным и страстным был этот танец! Увы, из современных танцовщиков только Нуриев мог придать мужской партии непостижимую пластику и чувства.

— Ты прав, друг, — решил тоже пошутить Хью, допив наконец-то свое пиво. — Ампула мужчины в классическом балете, как, впрочем, и в жизни, это скорее роль подъемного крана или опоры для женщины.

Я же все шла и шла сквозь обрывки разговоров публики, трогая, как слепая, руками стены, перила, дверные ручки, ткань стульев и портьер, пытаясь ощутить хоть какую-то искру тепла, оставленного здесь зрителями за два прошлых века. И таким образом добралась до своего места в ложе

первого яруса, где, облокотившись на мягкие широкие перила, стала изучать новенькую и очень чистенькую знаменитую люстру Большого театра. Погас свет, зазвучала музыка, открылся занавес и началось феерическое представление «Дон Кихота». Красочные костюмы, хореография Мариуса Петипа, отточенность, синхронность и чистота движений артистов на сцене погрузили меня в некий блаженный транс, из которого меня не могла вывести даже музыка. Действительно, музыка, а где она? Конечно, прекрасный оркестр Большого театра как всегда был в оркестровой яме, только звучал он несколько глуховато.

В антракте, находившись по лестницам, залам и фойе, я прижалась к стене у входа в свою ложу и вдруг услышала приятный женский голос. Рядом со мной стояла статная интеллигентная женщина лет семидесяти, одетая в форму служительницы театра.

— Здравствуйте, разрешите помешать вашему одиночеству, — обратилась она ко мне, — что-то вы какая-то очень задумчивая и трогаеете все вокруг руками. Не смущайтесь, многие, когда приходят в Большой театр впервые после его реконструкции, стараются коснуться практически всего, до чего могут дотянуться. Сомневаются, что все здесь вокруг настоящее, а не из фольги или папье-маше. К сожалению, настоящее! Лепнина вылита из современного бетона, а светильники сделаны из бронзы и стекла. Правда, когда разбирали старый паркет, то делали это очень аккуратно, нумеруя каждую дощечку. Говорили, что так надо для реставраторов. А положили в итоге новый паркет, хотя рисунок почти такой же, как у старо-

го. И поскольку сценическая часть и зрительный зал созданы из современных материалов и напичканы большим количеством аппаратуры, то, конечно, естественный звук глуховат, и его надо моделировать, как в студии. Хотя Альберт Кавос в середине девятнадцатого века ставил акустику на первое место и создавал этот театр как огромный музыкальный инструмент по принципу устройства скрипки, поэтому и потолок был деревянным, и декор лож выполнялся из папье-маше. Да, улетела душа из театра, нет больше в нем живого звука. Вы ведь поэтому трогали кресла, стучали по стенам — искали ее? Пять лет уже пролетело после окончания реконструкции здания, но Большой театр так и не воссоздан в прежнем качестве. Ой, программку-то вы купить забыли! Берите, берите, не стесняйтесь, у меня и книга есть хорошая, со старыми фотографиями, где вы можете увидеть прежний театр и великих балерин и танцовщиков, служивших в нем, — замолкла служительница и протянула мне довольно толстую книжицу.

— Простите, я давно не была в Москве, — сказала я, — здесь очень многое изменилось и перестроилось, а так хотелось бы соприкоснуться с духом театральной Москвы времен моей молодости. Подскажите, в какой театр мне сходить и что посмотреть?

— Помните этот старый балетный анекдот? — обрадовалась возможности поболтать моя новая знакомая. — Когда на сцене Императорского театра Мариус Петипа поставил «Спящую красавицу», популярность этого балета была столь высока, что знакомые при встрече вместо «здравствуйте» спрашивали друг друга: «Вы

смотрели “Спящую красавицу”?» Правда, было это в Санкт-Петербурге и более чем сто лет назад. А у нас теперь в Москве принято приветствовать друг друга другой фразой: «Вы ходили на “Евгения Онегина” в театр Вахтангова?» Так что очень рекомендую и постановку увидеть, и один из последних московских театров, до которых не добрались еще так называемые реставраторы, посетить. И публика там совсем иная, чем в Большом, настоящая московская, а не одни седые головы и иностранные туристы, и, что особо радует, в Вахтанговском много молодежи. Причем очень разной: можно увидеть парня с дредами на голове, в бандане и татуировках, держащего за руку девушку в легком платьице, или двух счастливых влюбленных старшеклассников, слушающих «сон Татьяны». Правда, в этом театре нет императорской ложи, так как перестраивался он после войны при Сталине. Сходите обязательно, не пожалеете, хотя с билетами трудно, сидят даже на приставных стульях, но я уверена, вам обязательно повезет! Удачи!

Закончился спектакль, я вышла из театра и остолбенела, сразу закрыв глаза и зажав ладонями уши, поскольку на фасаде здания Большого театра проводилось лазерное шоу: слепящее, орущее и подавляющее всё и вся вокруг, но тоже величественное и прекрасное по-своему. Создавалось впечатление, что не только я сейчас, но и любимая мною Москва, потрясенная произошедшим за эти годы, резко зажмурилась, оглохла и застыла в ожидании неминуемого шага в качественно другое пространство и время.

Продолжение следует.